

REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA

Kolektivní monografie

Tribun EU
Brno 2013

Recenzovali:

Prof. PhDr. Jiří Fiala, CSc.

Prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc.

Editor:

Doc. PhDr. Josef Dohnal, CSc.

© Kolektiv autorů

© Tribun EU

ISBN 978-80-263-0379-4

Брненская конференция о ценностях в контексте деятельности брненской славистики и русистики (вводные слова) (<i>I. Pospíšil</i>)	1	<i>Gyöngyösi, M.</i> : В чем назначение поэта? «Исповедальность» лирики Блока vs. «стихи-предметы» Рильке	147
<i>Аникина, Т. Е.</i> – <i>Аникина, Т. М.</i> : Язык, литература и ценностная ориентация общества	13	<i>Haburová, A.</i> : Podoby jari v poézii F. I. Tútčeva	157
<i>Автухович, Т. Е.</i> : Экфрасисы Иосифа Бродского как диалог с культурой о ценностях	25	<i>Józsa, G. Z.</i> : «Подражание древним». Символистская драматургия на весах бахтинского концепта стилизации	167
<i>Binová, G.</i> : Дух эпохи и индивидуума в стиле М. Кузмина и Е. Харитонова	33	<i>Калафатич, Ж.</i> : Деконструкция традиционных ценностей (истины, красоты, добра) в русской постмодернистской прозе	177
<i>Богатырёва, Н.</i> : Ценностные аспекты экзистенциальной проблематики в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Андреева (« <i>Легенда о Великом Инквизиторе</i> » – « <i>Мои записки</i> »)	41	<i>Коляно, М.</i> : Романи Еви Гати як спосіб впливу на ціннісну орієнтацію людини	185
<i>Borkowski, A.</i> : Problem wartości w polskiej literaturze dawnej XVI i XVII w. Od sarmatyzmu do mistyki	49	<i>Komisaruk, E.</i> : Świat wartości Jelizawiey Djakonowej (na materiale <i>Дневника русской женщины</i> , 1900–1902)	193
<i>Budniak, D.</i> : Стилевые и жанровые особенности научного стиля	59	<i>Кишицова, Д.</i> : Миф и символ в «хождениях в святую землю» (основные аспекты)	203
<i>Чаркић, М. Ж.</i> : Функције риме у стиховним дискурсима	67	<i>Kučera, P.</i> : Literární axiologie a středoevropský symbolismus	213
<i>Чичкина, К. И.</i> : Идея высшей красоты в современной литературе на примере творчества Василия Дворцова	79	<i>Kühnelt, H.</i> : Антиинтеграционные мотивы в искусстве русского Зарубежья	221
<i>Догнал, Й.</i> : Ценности как ориентир в литературном процессе	85	<i>Lahodová, K.</i> : Hodnoty a jejich zachycení v baletním umění	225
<i>Dudek, A.</i> : Идея переоценки ценностей в произведениях Дмитрия Мережковского	95	<i>Lepilová, K.</i> : Hodnoty v umění i hodnota jeho vnímání... ..	233
<i>Gorczyca, W.</i> : Идеиные и «художественные» ценности <i>Никоновского лицевого свода</i> и миф, история и трёхмерность пространства в ренессансе	109	<i>Левицкая, О. С.</i> : Искусство как отражение системы ценностей эпохи викторианства в романе Джона Фаулза « <i>Женщина французского лейтенанта</i> »	241
<i>Gorzelana, J.</i> : Językowe wyznaczniki wartości cierpienia w poezji religijnej polskiego oświecenia	121	<i>Lorková, Z.</i> : Problematika hodnotovej orientácie literárneho diela <i>Metelica V. Sorokina</i>	251
<i>Гречаник, И. В.</i> : Ценностный подход в изучении и преподавании современной литературы	131	<i>Malej, I.</i> : Мир символических ценностей в искусстве Михаила Врубеля. Магия жемчужной раковины	259
<i>Гурчинов, М.</i> : Возможности и перспективы на критиката на вредностите во современата литература	139	<i>Malenová, E.</i> : «Сказка о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина в зеркале истории и современности	269
		<i>Matyšová, Z.</i> : Lidství jako dominantní hodnota próz Viktora Astafjeva	277
		<i>Mielczarek, J.</i> : Obiektywność i subiektywność wypowiedzi literackiej – przemiany literatury jako autorytetu społecznego	285
		<i>Mnich, R.</i> : Эволюция ценностной парадигмы в интерпретациях классической литературы	293

ИДЕЯ ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДМИТРИЯ МЕРЕЖКОВСКОГО

Andrzej Dudek (Kraków)

Абстракт:

Переоценка ценностей – понятие очень часто встречаемое в творчестве Д. Мережковского. Творческий опыт писателя, живущего на рубеже эпох и ощущавшего последствия борьбы и перемены эстетических, общественных и политических систем, в восприятии Мережковского придали особого значения ницшеанской категории переоценки ценностей. В статье обсуждаются изображенные Мережковским примеры преоценок ценностей, проходящих в разных культурных эпохах, а также анализируются проводимые писателем поиски абсолютных и универсальных ценностей культуры.

Ключевые слова: Дмитрий Мережковский, литературная аксиология, переоценка ценностей, антропология, Фридрих Ницше и русская культура.

The Idea of Redefinition of Values in Dmitry Merezhkovsky's Writings

Abstract:

The idea of redefinition of values appears very often in the works by D. Merezhkovskii. The Russian writer having lived on the turn of centuries and experienced results of struggle and change of aesthetical, social and political systems imparted special significance to Nietzschean idea of redefinition of all values. The text takes into consideration the cases of values being redefined in several epochs of culture as seen by Merezhkovskii. Special attention is paid to the search for absolute and universal values undertaken by the Russian writer.

Key words: Dmitrii Merezhkovskii, literary axiology, redefinition of values, anthropology, Friedrich Nietzsche and Russian culture.

Идея переоценки ценностей – один из лейтмотивов как мысли, так и художественного творчества Дмитрия Мережковского. Созданный писателем проект новой эстетической программы для русской литературы (лекция *О причинах упадка и новых течениях в современной русской литературе*, прочитанная в 1892 году в Русском литературном обществе¹) нашел свое

¹ ХОЛИКОВ, А.: Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919, Санкт-Петербург 2010, с. 43.

осуществление в новых художественных замыслах, возникших на рубеже XIX и XX веков (сборники стихотворений: *Символы* – 1892, *Новые стихотворения* – 1896, а также романы «ницшеанского толка»², составляющие первую романную трилогию *Христос и Антихрист* [1896–1905]). Эстетический индивидуализм³ и «декадентский аморализм»⁴, замечаемые в установке лирического субъекта и повествователя произведений, возникших в это время вскоре стали стимулом для предпринимаемых автором *Царств Антихриста* поисков нового религиозного сознания⁵. В начале XX века Дмитрий Мережковский считался одним из самых видных «популяризаторов Ницше в России»⁶.

Фридрих Ницше несколько раз возвращался к идее переоценки ценностей в таких произведениях как *Антихрист, По ту сторону добра и зла, Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей* (1895 г.), *Так говорил Заратустра*. В мысли немецкого философа идея преоценки ценностей объяснялась кризисом культуры: ценности, культивированные в первые столетия христианской эры, в XIX веке стали мертвыми музейными экспонатами⁷. Христианство – когда-то животворящая сила культуры – вследствие его подчинения государству исчерпало свои возможности создавать настоящих людей, три типа которых (философы, художники и святые) появлялись в живой еще культуре докризисного периода⁸. Христианство, исчерпав свои возможности готовить полного человека, стало фундаментом морали слабых – людей-рабов. Современная Ницше культура напоминает философу культуру сократическую (определяемую также как александрийская), в которой, как это было в V веке до нашей эры, исчезли условия, способствующие появлению настоящего человека. Поэтому, в упомянутых трактатах Ницше выступит с лозунгом «победить человека», отбросить устаревшую и мертвую

² СИНЕОКАЯ, Ю. В.: Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение. <http://www.nietzsche.ru/around/russia/ideas/> [10. 11. 2012].

³ ХОЛИКОВ, А.: Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919. Санкт-Петербург 2010, с. 49.

⁴ ПЛЙМАН, А.: История русского символизма. Москва 2002, с. 36.

⁵ CLOWES, E.: The Revolution of Moral Consciousness. Nietzsche in Russian Literature 1890–1914. Illinois 1988, с. 120.

⁶ ROSENTHAL, B. G.: D. S. Merezhkovskii and the Silver Age: the Development of Revolutionary Mentality. The Hague: Martinus Nijhoff 1975, с. 57.

⁷ KUDEROWICZ, Z.: Nietzsche. Warszawa 1976, с. 48–50.

⁸ KUDEROWICZ, Z.: Nietzsche. Warszawa 1976, с. 48–50; KUSAK, L.: Fryderyk Nietzsche. W poszukiwaniu utraconego ideału. Kraków 1995, с. 78.

систему христианских ценностей, чтоб на ее развалинах образовать условия для возникновения сверхчеловека, руководящегося моралью сильных⁹.

Под влиянием, в частности, идей Ницше, в литературной критике и публицистике Мережковского уже в 1902 году в книге *Л. Толстой и Достоевский*¹⁰, в сборниках, *Грядущий хам* (1906), *Не мир но меч* (1908), *В тихом омуте* (1908), а также в цикле литературных портретов выдающихся писателей и философов разных эпох *Вечные спутники* (1897–1908) формируется выраженная дискурсивным языком аксиологическая концепция Мережковского. Русский писатель обращает внимание на природу ценностей, способ их существования и их иерархические разряды. В эссе *Тургенев* появляется мнение, культура это естественное пространство возникновения и проявления ценностей, их сокровищница и мера¹¹. Таким образом, с помощью языка, состава почитаемых символов, системы совершаемых обрядов и практики общественной жизни культура устанавливает аксиологическую иерархию, определяет структуру признаваемых ценностей¹². В итоге этого процесса культура становится культом ценностей¹³.

Культура однако, явление динамическое, подвергающееся процессам внутренней эволюции и меняющееся под влиянием межкультурных контактов и внутренних закономерностей развития. Внутренние и внешние процессы, как показывает Мережковский, могут привести к кризису, одичанию культуры или даже ее гибели. В культуру вписан механизм самодеструкции. Культура при неблагоприятных условиях, когда ценности становятся музейными экспонатами сама может допускать и оправдывать антиповедения и антиценности, разлагающие ее фундаменты. Такая угроза замечается писателем в начале XX века, когда влиятельными силами в русском обществе становятся с одной стороны – «грядущие хамы» – т.е. мещане, и большевики – с другой. Мережковский пишет:

«Мы думали, что культура есть творчество ценностей; но вот оказывается, что она может быть и разрушением ценностей, и притом таких,

⁹ KUSAK, L.: Fryderyk Nietzsche. W poszukiwaniu utraconego ideału. Kraków 1995, с. 126–129.

¹⁰ АНДРУЩЕНКО, Е.: Из чего «сделана» книга «Л. Толстой и Достоевский». В: АНДРУЩЕНКО, Е.: Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского. Москва 2012, с. 84.

¹¹ МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Тургенев. In: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Полное собрание сочинений, т. 18. Москва 1914, с. 58. Далее ссылки на произведения Мережковского, если не указано иначе, приводятся по этому изданию. В тексте указывается заглавие, том и страница.

¹² ВЫЖЛЕЦОВ, Г.: Аксиология культуры. Санкт-Петербург 1996, с. 64–65.

¹³ TYSZKA, A.: Kultura jest kultem wartości. Aksjologia społeczna – studia i szkice. Lublin 1993, с. 196.

к которым сама она относится, как каменноугольные копи – залежи теплоты солнечной – к солнцу. Плевать на Венеру Милосскую – дикость, а плевать на Евангелие – культура высшая?»¹⁴.

В оценке писателя, русскому менталитету свойственно стремление обесценивать любые ценности, даже такие, которые являются фундаментом личной и культурной идентичности. Русские «восали это с молоком матери; это у нас в крови, даже у самых неверующих: каинство, окаянство, люциферянство всякой вообще воли к восхождению, к полету» [*Земля во рту*, т. 15, с. 174].

Эволюция культур, их зарождение и вымирание ставят вопрос о природе ценностей, о возможности существования ценностей абсолютных и универсальных. В первое двадцатилетие творческой деятельности Мережковского в текстах писателя преобладает убеждение в универсальном характере эстетических ценностей, свойственных древнегреческой культуре. На это убеждение опирается идейная конструкция первой трилогии *Христос и Антихрист*. В очередных романах именно судьба греческих статуй, изображающих богов Эллады, становится аллегорическим воплощением главной идеи каждого романа и трилогии в целом. В изображении Мережковского отношение к этим скульптурам наделено диалектическим ритмом чередования памяти и забвения, обожения и кощунства, восхищения и отвращения.

В каждой новой эпохе, как показывает в упомянутой трилогии писатель, именно восприятие канона красоты, воплощенного в статуях, почитаемых и ценимых в античности знаменует горизонт ожиданий и способ отношения к принципам и заповедям доминирующей религии, которая, является своеобразным венцом каждой культуры, выражением ее основополагающих начал¹⁵.

В начальный период творческой деятельности Мережковского античная Греция считается своеобразным эталоном совершенства именно потому, что ее жизнерадостная религия казалась осуществлением принципа Протагора – «человек – мера всех вещей»¹⁶. Почитание антропоморфных изображений богов в дохристианский период, последующее их осквернение или уничтожение в первые годы христианства а затем очередное обнаружение, добыча зарытых в земле фигур и восхищение ими в эпоху Ренессанса это символические мотивы в романной трилогии Мережковского, подчеркивающие непреходящую ценность красоты и значение первоначальных образцов для очередных культурных эпох, которые по-разному, иногда очень

¹⁴ МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.: Две России. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.: Было и будет. Дневник 1910–1914. Невоенный дневник 1914–1916. Москва 2001, с. 40.

¹⁵ Там же, с. 37.

¹⁶ TATARKIEWICZ, W.: Historia filozofii, t. 1. Warszawa 1978, с. 69.

поверхностно, без надлежащих знаний, без необходимого эмпатического проникновения в гений древнегреческой культуры стараются подражать ее искусству, воспроизводить ее произведения. Результатом заново появляющегося восхищения античностью оказываются сложившиеся «моды» покупать древние скульптуры и объявлять их объектами культа вечной красоты. Мережковский обращает внимание на то, что установленный в европейской культуре принцип подражания древним часто приносил неудовлетворяющие результаты, так как подражающие не старались проникнуть в гений греческой культуры, не замечали, что мышление зодчего и художника Эллады учитывало не только пропорции объектов, но также окружающую, природную среду, блеск солнца, цвет неба и моря, создававшие неотъемлемый эстетический контекст восприятия скульптуры или сооружения, вследствие чего результат творческих деяний восхищает по сегодня своей красотой. Без учета фактора природного контекста, Акрополь, построенный на другом месте, даже на основании самых гениальных чертежей, не производил бы столь огромного впечатления как в Афинах [Акрополь, т. 17, с. 16–17]. Мережковский обращает внимание, что этот фактор не учли римляне, копируя произведения греческого искусства и архитектуры. Несмотря на строгое соблюдение греческих пропорций и канонов, древнеримское искусство, однако, кажется Мережковскому слишком холодным, подавляющим своим масштабом, рассчитанным не на человеческую меру [Акрополь, т. 17, с. 15].

Другой пример несовпадения искусственно воплощаемых древних канонов в неблагоприятной, неподходящей для них среде находим в романе *Петр и Алексей*. В строящемся в начале 18 века Петербурге немецкая фрейлина Аргейм – придворная дама жены Петра I замечает, что дома в городе строятся по канону Витрувия, но, поскольку они стоят на топкой земле, трясутся, когда мимо проезжает телега, угрожая катастрофой [Антихрист (Петр и Алексей), т. 4, с. 103]. Как показывает Мережковский, царь Петр I, признав принцип гармонии и симметрии показателем эстетической ценности и основой воспроизводимого канона, осуществлял свой аксиологический выбор при сооружении Санкт-Петербурга, попирая принципы жизни и автоценность человека. Таким образом, искусственно перенесенные из другой эпохи аксиологические системы, осуществляемые принудительно, оказываются гротескным повторением подражаемых образцов:

«У царя страсть к прямым линиям. Все прямое, правильное кажется ему прекрасным. Если бы возможно было, он построил бы весь город по линейке и циркулю. Жителям указано „строиться линейно, чтобы никакое строение за линию или из линии не строилось, но чтобы улицы и переулки были ровны и изрядны“. Дома, выходящие за прямую линию, ломают безжалостно» [Антихрист (Петр и Алексей), т. 4, с. 103].

Вопрос подражания культурным ценностям и цивилизационным образцам Запада это основная проблема упомянутого романа. Один из его героев – Вебер – секретарь немецкого посольства, оценивая пристрастие царя устраивать жизнь в России по западным образцам, подчеркивает, что бескритичное подражание всегда опасно, так как легче восприятию поддаются пороки чем добродетели [*Антихрист (Петр и Алексей)*, т. 4, с. 144]. Отречение от естественно возникшей аксиологической системы и принудительное насаждение другой приводят к ценностному хаосу. В ситуации отсутствия ценностной ориентации¹⁷ осуществляются негативные ценности¹⁸, к выбору которых поощряют тогда ничем не обуздаваемые низкие инстинкты («Заразительная гнилость чужеземная сдает древнее здравие душ и тел российских» [*Антихрист (Петр и Алексей)*, т. 4, с. 144]).

В изображенной действительности романов, составляющих первую трилогию Мережковского, восприятие аксиологической системы, отраженной в произведениях уподобляется нищенской тоске по подлинным ценностям. Протivoестественный характер и принудительный способ насаждения не могут быть основанием настоящих ценностей, которые, как кажется Мережковскому, органически связаны с жизнью и свободной волей человека, который, свободно признавая ценности, осваивая их в структуре своей личности, готов осуществлять их в своих деяниях¹⁹. Инструментализация ценностей, запрямленных служить абстрактным идеям путем внешнего принуждения, указа и декрета лишают аксиологическую систему необходимой

¹⁷ Термин «ценностная ориентация» здесь употребляется в значении, определенном К. Клакхоном («влияющая на поведение, общая, внутренне последовательная концепция природы, места человека в природе, отношения человека к человеку, того, что требуется и того, что отвергается с точки зрения межчеловеческих связей и соотношения человека и среды» (перевод мой – АД). См.: KLUCKHOHN, C.: Values and Value Orientations in the Theory of Action. An Exploration in Definition and Classification. В: Parsons, T., Shils, E. (eds.), *Toward a General Theory of Action*. New York and Evanstone 1962, с. 411.

¹⁸ TYSZCZYK, A. O pojęciu wartości negatywnej w literaturze. In: *Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze*. Pod red. Sawickiego, S. i Tyszczyka, A. Lublin 1992, с. 138. Негативная ценность понимается автором как: 1) противоположность позитивной ценности, 2) недостаток позитивной ценности, 3) мнимая позитивная ценность, 4) малая интенсивность проявления позитивной ценности. Все 4 разряда, приведенные в этой таксономии объясняют сущность процесса, описываемого в цитированном тексте Мережковского.

¹⁹ GOŁASZEWSKA, M.: *Metafizyka wartości*. In: *O wartościowaniu w badaniach literackich*. Red. Sawicki, S., Panas, W. Lublin 1986, с. 72.

жизненной подлинности. Без свободного признания ценностей не начнется чаемая писателем «аксиологическая ренитерпретация мира»²⁰.

В текстах Мережковского, возникших на рубеже XIX и XX веков, замечается стремление показывать примеры присущего европейской культуре постоянного возвращения к античным истокам культуры. Такая установка, как кажется, может восприниматься как след намеченной Ницше идеи вечного возвращения²¹. Одновременно, русским писателем подчеркивается несостоятельность прямого перенесения канонов из одной эпохи в другую. В соответствии с разработанной Мережковским в упомянутое время концепцией истории²², в которой движущей силой механизма событий является борьба противостоящих друг другу религиозных систем и основанных на них образцов культуры²³, ожидается возникновение нового качества, существенной чертой которого будет синтез противоборствующих начал. Преобладание одного из антиномичных начал считается писателем признаком фальши [*Ответ на вопрос*, т. 13, с. 160]. Замечаемая в текстах автора *Царства Антихриста* склонность к антигетическим сопоставлениям образов²⁴ и пристрастие показывать мир как результат чередования элементов тройственной формулы (тезис – антитезис – синтез) знаменуют интерес к гегельнской модели онтологии²⁵. Диалектическое переосмысление, возникавшее

²⁰ HANDKE, R.: Komunikacja aksjologiczna – nośniki wartości w dziele literackim. In: Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze. Pod red. Sawickiego, S. i Tyszczyka, A. Lublin 1992, с. 200.

²¹ Незарботанный полностью немецким философом мотив вечного возвращения всех вещей упоминается в трактатах Веселая наука (1882), Так говорил Заратустра (1885), Воля к власти (1888). См.: KUDEROWICZ, Z.: Nietzsche. Warszawa 1976, с. 84–85; KUSAK, L.: Fryderyk Nietzsche. W poszukiwaniu utraconego ideału. Kraków 1995, с. 151–153.

²² См.: DUDEK, A.: Mechanizmy historii w eseistyce Dymitra Merezkowskiego. In: Wokół problemów Historii. Studia o kulturze i literaturach wschodniosłowiańskich. Pod red. Woźniak, A. Lublin 2008, s. 26.

²³ Термин «культурный образец» употребляется в значении «устойчивой конфигурации связей людей друг с другом, с предметной и природной средой, которая обуславливается определенными типами ситуаций, предписанным поведением в них человека или его связи с окружающим миром». См.: АВАНЕСОВА, Г. А.: Образец культурный. В: Энциклопедия культурологии, т. 2. Ред. С. Левит. Санкт-Петербург 1998, с. 103.

²⁴ Николай Бердяев подчеркнул, что «весь Мережковский в антитезах христианства и язычества, духа и плоти, неба и земли, общественности и личности, Христа и Антихриста, итд.». См.: БЕРДЯЕВ, Н.: Новое христианство (Д. С. Мережковский). В: Мережковский. Pro et contra. Санкт-Петербург 2001, с. 333.

²⁵ Следом интереса Мережковского мыслью Гегеля может быть мнение о правильном восприятии немецким философом французской революции как «величайшего от-

вследствие анализированного Гегелем механизма сношения ценностей²⁶, воспринимается Мережковским как единственно правильный способ подражания древним и восприятия античных ценностей. Таким образом, аксиология становится «онтологией истории»²⁷.

Вопрос отношения русских к западноевропейским ценностям – одна из главных проблем, волнующих Мережковского. В книге *Л. Толстой и Достоевский* с сочувствием приводится мысль Достоевского о том, что у русских две родины: Россия и Европа [*Л. Толстой и Достоевский*, т. 9, с. VII]. В книге *Не мир, но меч* (1908 г.) Мережковский обращает внимание, что идейной наследницей Петровых деяний является русская интеллигенция. Именно она (также как и Петр), признала целесообразным из любви к России «ненавидеть Россию». Только интеллигенция была в состоянии доценить и заметить, что в полном составе Петровых преобразований внушаемых русским с помощью жестокого деспотизма и попирания человеческого достоинства всех, кто дерзнул противиться воле царя был важнейший, драгоценнейший и последний дар Запада для России: дар ценности свободы личности [*Страшный суд над русской интеллигенцией*, т. 14, с. 150].

Размышления о возможности признать некоторые ценности универсальными и абсолютными а также вопрос гибели этих ценностей знаменуют существенный для Мережковского комплекс идей, отраженный в эссе и романах, публикуемых с начала XX века (кроме упомянутых выше сборников, проблема вечных ценностей и угроза аксиологической катастрофы затрагивают внимание писателя в текстах, изданных на эмиграции: *Тайна трех: Египет и Вавилон* – 1925, *Наполеон* – 1929, *Иисус Неизвестный* – 1932, *Тайна Запада: Атлантида-Европа* – 1930). В упомянутых произведениях Мережковский проводит свою личную переоценку ценностей, провозглашая, что отнюдь не вечная красота, но свободная личность заслуживает стать важнейшим элементом аксиологической иерархии²⁸. В хронологическом плане замечаются два стимула, побуждающие Мережковского выступать с защитой ценности личности. Аксиологический сдвиг связан с провозглашаемой Мережковским в начале XX века концепцией «нового христиан-

кровения христианства после Христа». См.: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Царство Антихриста. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. Под общей редакцией А. Н. Николюкина. Санкт-Петербург 2001, с. 17.

²⁶ См.: KUDEROWICZ, Z.: Hegel a problem ciągłości kultury. «*Studia Filozoficzne*» 1970, nr. 4, с. 40.

²⁷ См.: BALCERZAN, E.: Przymusy aksjologiczne. In: O wartościowaniu w badaniach literackich. Red. Sawicki, S., Panas, W. Lublin 1986, с. 260.

²⁸ См.: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Иоанн Креста. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Реформаторы. Испанские мистики. Москва 2002, с. 389; МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Тайна трех. Москва 2005, с. 110–111.

ства» и чаяния «эпохи Третьего Завета». Типичная для общественного сознания в России рубежа XIX и XX веков эсхатологическая установка²⁹ в работах Мережковского сказывается убеждением в необходимости переоценки истории христианства и установленной Церковью системы ценностей³⁰. Доценение личности и ее свободы, по мнению писателя, это залог и основа Христова учения. Таким образом, провозглашаемая писателем необходимость переоценки учения Церкви, должна обернуться возвращением к подлинному, не искаженному последующими интерпретациями учению самого Христа.

В истории так называемого «старого христианства», вследствие плохой интерпретации учения Христа, произошла существенная перемена в ценностной ориентации, последствием которой стала ложная, но санкционированная Церковью концепция человека и его соотношения с миром. «Старое христианство» обернулось религией скорби, страдания, отречения от своей личности, религией, признающей человеческое тело седлищем бесов и похотей, от которых следует отречься, чтоб заслужить спасение [*Теперь или никогда*, т. 14, с. 136.]. В качестве образца, которому следует подражать, в очереных канонизациях христианину представляются примеры святых, которые духовного совершенства достигли путем истязания, истощения своего тела. Таким был случай Серафима Саровского, определяемого Мережковским как «последний святой» [*Последний святой*, т. 13, с. 102]. Прилагательное в этом определении имеет метафорический смысл. Его синонимом является не только слово «современный», т. е. канонизированный в настоящее время (канонизация состоялась в 1913 году), но также — конечный, завершающий. Мережковский убежден в том, в приближающуюся эпоху «нового христианства» плоть, пол и земля будут считаться достойными освящения религиозными ценностями. Разработанная писателем историософская концепция, вдохновленная текстами средневекового аббата из Калабрии — Иоахима Флорского³¹ основана на предположении,

²⁹ См.: ШЕПЕР, Ю.: Религиозно-философские искания в России в начале XX века. В: История русской литературы. XX век. Серебряный век. Под ред. Нива, Ж., Сермана, И., Страды, В., Эткинда, Е.. Москва 1995, с. 180. См. также: ЗЕРНОВ, И.: Русское религиозное возрождение XX века. Paris 1974, с. 101, 120; ГАЙДЕНКО, П.: Д. С. Мережковский: Апокалипсис всеокрушающей религиозной революции. «Вопросы литературы» 2000, № 5, с. 117.

³⁰ См.: ROSENTHAL, B. G.: D. S. Merezhkovskii and the Silver Age: the Development of Revolutionary Mentality. The Hague: Martinus Nijhoff 1975, с. 87, 91.

³¹ Шире на тему интереса Мережковского идеями Иоахима Флорского см.: DUDEK, A.: Dymitr Miereżkowski w kręgu idei historiozoficznych Joachima z Fiore, Hegla i Towiańskiego. In: *Literatury wschodniosłowiańskie w kręgu europejskich idei estetyczno-*

что Святая Троица это источник истории и одновременно модель ее интерпретации. В истории человечества наступили уже две эпохи, облик которых сформировался вследствие эпифании Бога Отца и Сына Божьего, которые узаконили для каждой эпохи свойственные им системы ценностей, описанных, соответственно, в книгах Ветхого о Нового Заветов. Смена эпох проявлялась в диалектической переоценке почитаемых ценностей: те, которые признавались в предыдущей эпохе – в новой опровергались и заменялись другими, потивоположными: например если эпоха Бога Отца была временем святой плоти, то эпоха Сына Божьего признала плоть антиценностью, выдвигая идеал аскезы и умерщвления тела. Догма о Святой Троице, как считает Мережковский, позволяет ожидать наступления эпохи Святого Духа, которая найдет свое отражение в еще ненаписанной книге Третьего Завета, где оправдается идея синтеза противоборствующих до сих пор ценностей. Каждая из упомянутых эпох это постижение высшей степени совершенства Церкви, общества и человека. Полное совершенство – выражающееся вознесением и освящением земной жизни ожидается с наступлением эпохи Святого Духа.

«Первый Завет, откровение Отца, – тезис; второй Завет, откровение Сына, – антитезис; совершенный синтез первого и второго Завета в третьем, последнее соединение Отца и Сына в Духе не могло произойти прежде, чем не раскрылась совершенная противоположность Отчей и Сыновней ипостаси. Кажущиеся неразрешимыми противоречия христианства – вечные антиномии плоти и духа, земли и неба, мира и Бога – суть в действительности не противоречия неразрешимые» [*Последний святой*, т. 13, с. 154].

Выдвинутая Мережковским концепция историософского механизма предусмотренных замыслом Провидения переоценок ценностей в очередные эпохи становится полемическим ответом Фридриху Ницше, который в трактате *Рожество трагедии из духа музыки* указывал на существование двух дополняющих друг друга и одновременно противоборствующих культурных сил в истории: с одной стороны возвышающего личность аполлонова начала, с другой же – дионисийства, знаменующего растворение личности в стихии природы и общества³².

Полемизируя со Львом Толстым и Фридрихом Ницше, Мережковский подчеркивает, что их восприятие христианства как системы, отвергающей любой индивидуализм – неверно. Учение Христа это не отрицание почитаемой в античности ценности индивидуализма и духовного аристократизма, но скорее «переоценка этих ценностей, неизмеримо более дерзновенная

filozoficznych. Pod red. A. Wiczorek. Seria «Studia i szkice slawistyczne» nr. 8, Opole 2007, s. 63–71.

³² См.: KUDEROWICZ, Z.: Nietzsche. Warszawa 1976, с. 46.

Идея переоценки ценностей в произведениях Дмитрия Мережковского

и окончательная» [*Л. Толстой и Достоевский*, т. 12, с. 24]. Личность, признанная абсолютной ценностью воспринимается как условие универсальной и вечной культуры:

«[...] смею опять-таки думать, что, утверждая личность, как абсолютную, божественную ценность, я имею за себя большую глубину культуры, если не современной, то вечной, нежели в противном случае, утверждал безличность»³³.

Рыцарский этос так сильно укорененный в культуре Запада и проявляющийся признанием значения ценности отдельной личности – это доказательство мистической преемственности, адаптации и переоценки благородных ценностей, выработанных дохристианской культурой. Благородные предчувствия древних, доценивших значение личности, оправдались проявлением абсолютной личности Христа³⁴.

Стимулом, побуждавшим писателя провозглашать личность важнейшей культурной ценностью, была предчувствуемая угроза культурной катастрофы. Ощущение угрозы культурным ценностям волновало писателя на рубеже XIX и XX веков, когда в духе нищенской риторики, с помощью метафоры «грядущего хама» с отвращением подчеркивал рост значения духовно опустошенных, филистерских по складу ума общественных сил. В истории России, хамство три раза стало угрозой для настоящей культуры: а) в прошлом – в форме окостенелой официальной Церкви, б) в настоящем – в лице бюрократизированного самодержавия, в) в близком будущем – в самой опасной ипостаси «хулиганства, босячества, черной сотни» [*Грядущий хам*, т. 14, с. 37]. Убеждение в приближавшемся «конце мира» и свершении Божьих судеб усиливается у Мережковского в годы I мировой войны³⁵. В текстах, возникших во время эмиграции писатель неоднократно замечал, что кроме мещанства, вторым антикультурным явлением, посягающим на ценность личности является большевизм³⁶. Равнодушие Запада по отношению к зверствам большевиков угрожает культурной катастрофой Европы, уже ослабленной мещанским обесценением ценностей: «буржуй –

³³ См.: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: О черте честности и равенстве. Ответ читателю. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. Под ред. Николоюкина, А. Санкт-Петербург 2001, с. 110. Впервые статья была напечатана в газете «Свобода» (Варшава) 1920, 2 октября, № 66.

³⁴ См.: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Св. Иоанн Креста. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Реформаторы. Испанские мистики. Москва 2002, с. 387.

³⁵ МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Два ислама. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Было и будет. Дневник 1910–1914. Невоенный дневник 1914–1916. Москва 2001, с. 425.

³⁶ МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Что такое гуманизм. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. Под ред. Николоюкина, А. Санкт-Петербург 2001, с. 408.

большевик наизнанку; большевик – буржуй наизнанку. Не потому ли борьба Европы с большевиками – такая бессильная и бесчестная»³⁷.

Показывая историсофский, антропологический, культурный, религиозный ракурсы процесса переоценки ценностей, Мережковский обращает внимание на интересное общественное явление, сопутствующее периодам динамичных столкновений и преобразований культуры. Кроме ценностного хаоса, заблуждений, политических кризисов, бедствий, чувства растерянности масс жителей, на глазах которых происходят упомянутые перемены³⁸, в любую эпоху появляются люди с очень гибким позвоночником, для которых любые ценности воспринимаются очень инструментально, отнюдь не вписываясь в духовную структуру их личности. Это, те, кто независимо от системы всегда в первом ряду, а когда система меняется, вовремя успевают от нее отречься, провозглашая новый порядок ценностей единственно правильным. Пример такого героя находим в романе *Юлиан Отступник*. Гекзоблий, по мере меняющейся обстановки во время религиозных столкновений, был софистом, христианским ритором, проповедником арианства, исповедником православия, затем великим жрецом богини Астарты, а наконец, раскаявшись перед новым императором – рьяным исповедником христианства как заново установленной государственной религии [*Смерть богов. Юлиан Отступник*, т. 1, с. 340].

Подводя итог сказанному, обратим внимание на то, что как в литературной критике так и в художественном творчестве Мережковского категория переоценки ценностей играет существенную роль на протяжении всей творческой активности писателя. Автор *Царства Антихриста*, сам испытавший последствия ломки общественных и политических систем, действующий в условиях «переходного времени», принимающий участие в столкновении сторонников разных эстетических концепций, был свидетелем рождающихся и попираемых систем ценностей. В творческой биографии Мережковского замечаем несколько примеров совершаемых им самим переоценок признаваемых до сих пор ценностей. Такая установка характерна для: а) отхода от признания античности единственным источником вечных ценностей, б) выдвижения идей «нового христианства», в) отхода от бескритичного восхищения революцией как методом решения вопроса кризиса культуры (книга *Царь и революция – 1907* была попыткой «религиозного

³⁷ МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Царство Антихриста. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. Под ред. Никулюкина, А. Санкт-Петербург 2001, с. 22–23.

³⁸ См.: BROZI, J.: Ludzie i kryzys cywilizacji w perspektywie antropologii kulturowej. Lublin 1993, с. 6.

Идея переоценки ценностей в произведениях Дмитрия Мережковского оправдания революции»³⁹. Опыт революции 1917 принес ощущение ужаса от зверств, свидетелем которых был писатель), г) отхода от бескритичного восхищения Западом, на который возлагались надежды на организацию и поддержку сопротивления большевикам.

Лично пережитые Мережковским и философски осмысленные под влиянием мысли Фридриха Ницше перемены аксиологических систем придали категории переоценки ценностей ряд существенных признаков. Русский писатель наделил упомянутую категорию несколькими значениями. Переоценка ценностей для него это:

1. результат объективного, свойственного механизму истории процесса эволюции культур;
2. следствие диффузии культурных ценностей;
3. результат признания человечеством основополагающей роли идеи мимезиса и категории подражания в процессе эволюции культур;
4. итог личного опыта каждого человека;
5. надежное критическое орудие, применяемое в анализах антропологического пространства.

³⁹ См.: ПАВЛОВА, М.: Мученики великого религиозного процесса. В: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С., ГИППИУС. З., ФИЛОСОФОВ, Д.: Царь и революция. Москва 1999, с. 6.